
Е. Л. МАДЛЕВСКАЯ

*ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ
(ПУБЛИКАЦИЯ ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ)*

Во время экспедиций 2002—2005 гг. в Оренбургскую область, осуществленных сотрудниками Отдела этнографии русского народа РЭМ, были зафиксированы сведения об окказиональных обрядовых действиях, направленных на прекращение засухи, эпидемии, пожара. В рассказах информантов отражена ритуальная практика, охватывающая период с конца XIX по конец XX в. Наиболее многочисленную группу составляют ритуалы вызывания дождя нескольких типов: моления о дожде, обходы поля или селения, опахивание поля, отливание могил особым покойников и обряд с лягушкой.

Моления о дожде совершались в полях и в степи (повсеместно), на горе (Илекский и Сакмарский районы), у колодца или на святом источнике (Оренбургский, Сакмарский, Шарлыкский районы), в храме (Оренбургский район), «на могилках», то есть на кладбище (Первомайский, Сакмарский районы). В Сакмарском районе встречается информация о проведении моления сначала на могилках и продолжении действия в поле. Обычное время исполнения обряда — от раннего утра до обеда. В Оренбургском районе при хождении к отдаленному колодцу, в 25 км от селения, ритуал водоосвящения и молебен совершались по мере прибытия к святому месту, а на следующий день, после ночевки, участники процессии возвращались домой. Основными исполнителями обрядов моления о дожде являлись пожилые женщины, нередко во главе со священником; не единичны, правда, и упоминания о том, что идти молебствовать могли все желающие. Исключение составляет обряд моления о дожде на кладбище, в котором принимали участие только женщины, причем обычно пожилые и вдовы. При хождении в поле или в степь часто брали с собой маленьких детей, которых специально, как и оставленную дома скотину, с самого утра и до окончания обряда не кормили и не поили, полагая, что молитва о дожде при плаче младенцев и крике животных скорее будет услышана Богом. Сами взрослые молебствовали тоже натошак. Дважды зафиксированы сведения о специальной одежде для участия в обряде: в Шарлыкском районе надевали чистую одежду, а в Пономаревском районе — старинные наряды. Обязательными атрибутами обряда являлись иконы из домов поселян или образа и хоругви из храма; в двух случаях речь идет также о кресте, выносимом из церкви для совершения ритуала на горе или в святом месте около колодца. Для проведения священником обряда водоосвящения в поле несли также стол с сосудом, наполненным водой. Нередко во время хождений и молебствий использовали зажженные свечи. Держать икону во время моления в некоторых местах поручали старой деве, девушке или старухе-вдове, так как им оказывалось особое доверие в плане безгрешности, причем они должны были обязательно исповедоваться и причащаться. Кроме того, ни держать икону, ни участвовать в обряде не имели права женщины, у которых в назначенный день были регулы. Во всех вариантах обряда шествие участников сопровождалось пением молитв; в некоторых местах во время моления основную роль играли умеющие

читать старухи: они читали, а все присутствующие повторяли слова молитвы и кланялись в землю. Есть также упоминание о продаже свечей одной из женщин во время чтения молитвы священником, вероятно, для зажигания их в процессе обряда. Согласно экспедиционным материалам во время моления о дожде обращение адресовалось к Богу, Илье Пророку, св. Николаю или Богородице. Освященной в храме или на поле водой разводили воду из родников близ поля и окропляли ею землю. В Оренбургском районе хождение по полям и молебствие завершалось трапезой и питьем воды, после чего участники шествия купались и окунали в воду священника прямо в одежде, в чем бы он ни был.

Моления о дожде не только совершались в засуху, но и приурочивались к значимым праздникам календарного цикла. Так, в Пономаревском и Шарлыкском районах хождения по полям и молебны у святого источника совершались в 9-ю пятницу по Пасхе, в Сакмарском районе — в день Николы весеннего (9/22 мая) или в какой-нибудь другой большой праздник; в Оренбургском районе крестный ход и молебен около святого колодца производились на следующий день после Троицы. Привязка обряда к 9-й пятнице по Пасхе объясняется местным населением тем, что именно в этот день произошло обретение местной иконы Табынской Божией Матери. Фрагменты легенды о появлении этой иконы в источнике около с. Богдановка были зафиксированы в д. Кармалка Шарлыкского района. В этой местности для моления о дожде в поле несли именно икону Табынской Божией Матери.

Обряды моления о дожде, по рассказам информантов, довольно активно совершались еще в 1950—1970-х гг. Встречаются также отзывы об обряде, свидетельствующие о неверии в силу ритуала и молений священнослужителей (Илекский, Оренбургский районы).

Единичны записи обрядов обхода поля или селения, а также опаживания поля, направленных на вызывание дождя. Обход селения с иконами, выносимыми из домов, и молитвой (Сакмарский район) совершался всем народом. Обход поля с молитвой (Илекский район) осуществлялся рано утром старухами. В случае с опаживанием поля (Сакмарский район) молитвенную часть обряда исполняли также старухи, а сабан возили те, кто помоложе; описание этого ритуала относится к 1950-м гг.

Обряд отливания могил был записан в Илекском, Первомайском, Сакмарском и Ташлинском районах и объясняется местным населением рядом причин. Первая связана с нарушением традиционных правил захоронения людей, умерших «неправильной» смертью (прежде всего утопленников, а также угоревших в бане, умерших от аборта или опоя и самоубийц: утопившихся, «удушенников»). Согласно народным представлениям таких мертвецов следовало хоронить не на общем кладбище, а там, где «роднички и лес растет (...) в тени», где «все время земля влажная», а также на перекрестке дорог (Илекский район). Вторая причина, по которой совершается обряд отливания могилы, соотносится с распространенным здесь запретом перевозить через реку тело утопленника или даже просто покойника (Илекский, Сакмарский районы). При нарушении этих принятых в традиции установлений, как верили в народе, покойники забирают воду, вследствие чего не бывает дождя и наступает засуха. В связи с этим запретом в Илекском районе было зафиксировано уточнение, заключающееся в том, что к бездождью приводит только перевоз утопленника, совершенный «на воду», то есть против течения, а перевоз по течению в этом плане безопасен. Третья причина, вынуждающая к обряду отливания могилы, согласно материалам по Илекскому району, кроется в представлениях об особенности смерти при утоплении, которая связана с водой и при которой утонувший забирает воду с собой на тот свет. Кроме того, в Ташлинском районе встретилось также представление о том, что необходимо отливать могилы тех покойников, которых по каким-либо причинам приходилось выкапывать из земли, в частности для расследования обстоятельств смерти человека. Единична информация о

том, что местом совершения обряда кроме мест захоронения уже обозначенных групп покойных могли избираться могила умершего в другой деревне, но привезенного и захороненного на местном кладбище, а также могила последнего умершего в данном селении. Последнее свидетельство относится к 2000 г. Итак, для прекращения засухи предпринимался обряд отливания могилы. Чаще всего участниками ритуала являлись женщины или девушки, руководимые старухами; в информации из Первомайского и Ташлинского районов акцент делается на необходимости осуществления обряда именно девушками или даже девочками-подростками; в одном из вариантов обряда в Илекском районе речь идет об исполнении его родственниками покойного. Обычно отливание производилось тайно, вечером или ночью, иногда — днем. Само действие заключается в принесении к могиле и выливании на нее сорока мер воды: ведер или других емкостей (сорок ложек, например); в одном из описаний обряда в Илекском районе упоминается о «сорока сороков» ведер. В двух сообщениях информантов из Илекского и Ташлинского районов есть свидетельство о необходимости сделать в могиле дыру осиновым (или березовым) колом, в которую и выливается принесенная вода. В остальных случаях речь идет просто о выливании воды на могилу или под крест. Действие отливания могло сопровождаться молитвой, которую обычно читали пожилые руководительницы обряда. Кроме того, весь обряд мог дублироваться молитвой священнослужителя о покойном в церкви. С материалом об обряде отливания могилы соотносится зафиксированная в Илекском и Сакмарском районах информация об обычае, направленном на предотвращение засухи: при похоронах покойника, перевезенного через реку, стараются поместить в могилу около головы сосуд с водой, почерпнутой во время перевоза (Сакмарский район), а при похоронах утопленника — вылить ему в ноги сорок ложек воды (Илекский район).

Единично описание архаичного обряда вызывания дождя во время засухи с помощью лягушки, зафиксированное в Сакмарском районе. Исполнительницей ритуала должна была быть обязательно девочка-подросток, причем не ведающая о смысле совершаемых ею действий. Знающие женщины велели девочке поймать лягушку, разрубить ее и закопать в землю животом кверху. В этом же районе была записана соотносящаяся с приведенным обрядом примета: если поймать и подкидывать вверх лягушку, то пойдет дождь.

В ходе экспедиции была отмечена также информация об обрядах вызывания дождя соседствующими с русским переселенческим и казачьим населением этносами: татарами и казаками. В Первомайском районе у тех и у других во время засухи было принято резать барана, после чего татары шли в поле и устраивали жертвенную трапезу; казахи же отправлялись на свое кладбище, молились и лили воду на могилы. Аналогичные действия на кладбище в Сакмарском районе были приписаны информантами татарам, а казахи здесь вместе с православными русскими приходили к святому источнику около с. Григорьевка и молили о дожде.

Обряд опаживания селения в связи с повальной болезнью, от которой люди умирали в судорогах, был зафиксирован лишь однажды, в Илекском районе. Участниками обряда выступали все жители хутора — мужики и бабы. С помощью сабана, в который запрягались сами люди, осуществлялось опаживание по границе селения, которое сопровождалось общей молитвой.

Информация об обряде, направленном на тушение пожара, встретила один раз, в Ташлинском районе. По свидетельству очевидицы, во время пожара женщина, обойдя вокруг горящего дома с иконой «Неопалимая Купина», остановила пламя, несмотря на сухую погоду и сильный ветер.

В примечаниях каждый фрагмент сопровождается координатами Архива РЭМ: номер фонда, описи, дела и листа, а также указанием на место сбора информации и номер информанта. Сведения об информантах даны в конце публикации.

ОБРЯДЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПРЕКРАЩЕНИЕ ЗАСУХИ

МОЛЕНИЯ О ДОЖДЕ

1

⟨...⟩ ко мне бабушки приходят, свои дела делаем... Сегодня вот была, сегодня ж воскресенье, говорю: «Так давайте ж помолимся Илье Пророку, чтоб дождик был». Вот у нас председатель был, покойник уже, 36 лет он работал, Петр Устинович Боков был... И вот, когда была засуха, он придет и скажет: «Бабушки, надо что-то сделать». И вот пешком, собираются бабушки с иконами, идут в поле — молятся, и даже оттуда не вернуться — пойдет дождик. Да, их оттуда привозят на автобусе. Это делали, еще мама моя была жива, уже мама как 26 лет умерла.

2

Вот у нас этот Боков [председатель] был, не было дождя когда, он просил старушек, вывозил он в поле, и молились старухи в поле — просили у Бога дождя.

3

Привозили, я помню, привозили с Илека батюшку, на поле ходили молиться, штоб пошел дождь, просили дождя. Со всей деревни много желающих было, много. Но тут не помню, был ли дождь. Знаю, што выносили стол, привозили, и вот батюшка, и воду становили, и вот молились. А был ли дождик — не помню.

4

А с батюшкой на любое поле идут, лишь бы не в деревне. Я помню, я девчонкой была, и мы бегали. Стол выносили, воду ставили, и книжка же на столе — он читает. И иконы выносили. С ними приезжали женщины, которые поют. Одна читает и запекает, две подтягивают ей, и одна с ящиком ходит для подсчета, свечи продает.

5

Молились Богу: дождя просили, дождя просили. Прямо там, на пашне, молились: дождя надо. Ну, тут, знаешь чё, щас, по-моему, есть такой прибор, барометр называется. Ну, а попы-то, они грамотные, а мужики-то, они и есть мужики. Не сегодня-завтра будет дождь, барометр показывает, поп собирает людей и выходит в поле, давай молиться. «Помолимся — будет дождь». А он знает, что через день, через два будет дождь обязательно. Ну, вот ему и вера...

6

А еще говорили: вот засуха, дождей нету, то батюшка брал икону, а какую — вот я не буду врать, не знаю, и все село выходило, шло в степь, и всю дорогу молилось с батюшкой. И говорили, вот на гору как поднялись, и как пошел дождь, как пошел дождь. Батюшка брал иконы, ну, на палках такие [хоругви]. И вот с этими иконами шли всю дорогу молились.

7

Так засухи бывали, они в степь ходили молиться. Бывало, они [мама с другими старушками] соберутся и идут в степь по дорогам, ходили молились, все дождя просили. С иконками ходили. Щас никто не пойдет. Ходили только женщины. Да как с утра пойдут, так придут уже только после обеда. Все молодые девчонки воду носили. Туды бегут, воду несут. Где ходили, не знаю, но в степь ходили молились.

8

Знаю, ходили, молились на гору на какую-то. Носили крест. Так говорили, а какой крест, я не знаю. Это бабки собирались и выходили молиться с батюшкой во главе. Он тоже шел впереди, за ним несли крест, а потом уже все желающие. Выходили прям на высокое место, молились. Я бабушку спрашивал: «Ну чё, помогало?» — «А вот как тресну щас ложкой!» Я маленький, а она рассказывать начнет: «Вот ходили, у Бога дождя просили». — «Ну, как вот так?» Ну, она скажет: «Крест несли туда-сюда». Ну, я што — пионер! Воспитанный: «Ну и што, помогало: на другой день дождь заливал!» — «Щас как тресну!»

9

С иконами ходили. Батюшка пойдет, икону возьмет, народу много. Идут по полям, молебствуют. Вот идут, идут. Белужья у нас речка. Вот дойдут [до нее], отдыхают. Там на лошади везут хлеб, воду. Пьют. Батюшку купают, в чем бы батюшка ни был — бултых его в воды, в лужу, в озеро. А потом высохнет, всё. Купались, батюшка ходил. Молебствие кончилось, потом обед, отдых. Обед, искупались. Потом домой идем, с этими иконами, с этим попом. Поп обсушится, пока у реки посидим. Кто-нибудь за ним поухаживает. Потом идем, иконы в церковь опять занесем. Занесли, заслужили, и всё, и по домам.

10

Дожжик. А как его вызовешь?.. Молебствовали раньше. Собирались в церкви, отслужат молебину, и народ — из каждого двора, кто может, и на лошадях везли воду святую, и ходили по полям. Священник, церковный комитет и певчие ходили по полям — молебен служили. Вот дойдут до какого места, где назначено, — отслужат молебен, дальше идут. И идут до воды — до Белужьего или до Урала. Тама большая молебена. И народу — уйма; ну, вся деревня. Все, все, молящие Господа Бога. Икону нести [на молебен] доверяли любому [человеку], и мне доверяли. Любому желающему.

11

Я знаю, что вот нет дождя. То священник и все односельчане идут в поле и молятся. И вот, говорят, что часто сходится: что даже оттуда они бегом, что даже дождь их застаёт. И тут же одновременно говорят, что священники знали погоду: они имели барометры. Они узнают, что будет дождь, и ориентируют прихожан: «Пошли помолимся». А оттуда их уже зальет дождь — вот, мол, намолити. А вот где правда?

Сами жители обращались. Суховой, сухой — они чувят, что хлеб пропадет, не взойдет: жара страшная. И приглашали батюшку. Он шел с иконами

в поле, и там молебен. И певчие идут, все молятся, молятся, молятся. И, как правило, всегда дождь. Только молебен, а чё еще сделаешь, только молебен.

12

Когда не было дождя, то ходили молились по степям. Икону возьмут какую-нибудь, обычно — Божью Матерь, и священник, и народ идут в поле, тут отслужат и пойдут — по полям молятся, чтобы дождь пошел. Мы, когда маленькие были, тоже бегали.

13

Раньше так было. Троицу отслужат, це раньше так, зпokon вику, пока церква у нас була, и прямо на другой день Троицы, или на третий, брехать нэ буду, берут иконы, идет батюшка, и народ — идут уси в поли, называли. Идут по полю с молебном, с водосвятием, идут туды, хуторами. Идут километров 25, там ночують. Дотиль утром опять идут с иконами, с молебном, и всю дорогу поют, служат. Оттиль я раньше ходыла, я была. Дошли мы до Карасева, там у нас озеро. И тама був красивый колодец. Пришли, начали батюшка служить около колодца. И такей ливень прошел, ужасный дождь прошел. Це, яки служили, — все вымокли. Это так было. Я помню, я ходыла у поли, и дошли мы до колодезя. Это два дня ходылы... иконы несли люди, а батюшка идет с Евангелием и хрестом. Батюшка не носэ иконы. Кто хоче, иконы несё: и мужчины, и женщины, вси на пириминку: з ней же идти трудно. Понесли одни, другие подходят, берут, подменяют, идуть с иконам. И идут до хуторов, там переночуем, тильки воротаються, и опять с тем же иконам, опять такая же служба иде. На хуторах, где ночуют, тут прям и кладут иконки, на зэмку. Батюшка посвяте землю, и прям кладут усе. Ну, полотенце це было, балакали, конечно, что на полотенце кладут.

14

Вот засуха раньше: выходили, выносили; все — народ одевались во всё старинное — выносят икону, святую воду и идут в степь, и молятся, и просят Бога, чтоб дал дождя. И случалось, что появлялся дождик. Вот это было. Это я хорошо знаю, и мама говорила, и бабушка моя говорила, и многие так говорят, что выходят с иконой, выносят святую воду и просят Бога, чтоб он нам дал: хоть полил урожай, и всё. Часто выходили, вот так молились. А святой водой поливали поле, где они молились. Поле поливали и просили. Как будто они причащали всё — святую воду и молились Богу. И брали с родников воду, вот разводили и брызгали, как будто дождик.

15

Вот в Мансурове, когда я девчонкой была, старушки собирались и шли на могилки, там молились, чтобы дождь пошел. Это очень помогало.

16

И еще в поля с иконами ходили, было это в девятую пятницу. По полям ходили с иконами. Ну, иконы не так дюжа большие. Иконы любые из домов выносили. Но батюшка никогда по полям не ходил, женщины хо-

дили служили. А почему надо — вроде так-то положено, как по старинке. Вроде дождя долго нету — так молиться в поле. Это девятая пятница после Пасхи.

17

Когда засуха, старухи собирались раньше. Соберутся — и в поле. Скотину не выгоняют в табун, и детей с собой берут, и в поле выходили. В каком году, я помню, а я девчонкой была. Старухи собирались и выходили в степь. Коровы орут дома, пить просят, не поят их, а они кричат. А там выходили молиться, читали кануны там, просили дождя, Илье молились, Пророку, чтоб дожжичек пошел. И читали молитвы. И вот один раз помолились, до дому не дошли, и дожжик пошел. Ходили и мужчины, и женщины. Коров не поили, чтобы они кричали. Они вроде кричат, пить хотят; тоже не поили, не кормили [их], они просят пить — и вроде как Господь услышит. И дети плачут — пить просят. И им пить не давали. Ходили на моление все вместе: и старообрядцы, и все. Разницы нет...

Ему специально и канун есть, Илье Пророку. Дожджичек чтобы был, когда дождя нет, просят. Ходят в этот день. Когда дождя нет, и в его день [памяти] ходят просят... Скотину раньше не выгоняли, а сейчас просто сами идут; скотину не выгоняли, детей не кормили с утра чтобы; все идут в степь, и чтобы ни пить, ничего не дают. И в степь идут. Старухи или кто старше там, поп или кто, идут и молятся там. А скотина дома привязана, вся кричит: и есть хочет, и пить особенно. Не давали. Когда, говорят, скотина кричит и дети плачут, и Господа просят [чтобы услышал]. Вот у нас ходили, не помню, в каком году: старухи собрались и в степь вышли. Ну, вот до дома не дошли [после моления], и дожжик пошел.

18

[Чтобы дождь пошел], и Богу молились, просили. И даже засуха была, вот я уже застала. Пришла с работы, золовка пришла: «Айда, пошли скорее, уже пошли старухи молиться». Вот у нас за полотном [железной дорогой] большак есть. А там поле перво. И вот в этой лошшинке [лощине] поставили старую дева: она иконы держала, а мы, старухи наши читали и пели, а мы стояли и повторяли то же, молились, просили Бога, все кланялись в землю. Что там говорили — старухи больно плакали, — я не видала: они впереди, а мы, молодежь, позади них. Что они делали, мы повторяем. Мы с этого поля только что собрались, закончили они всё — часа два, наверно, молились, как тут пошел ливень на поле. Хлеб не всходит: жара. [После моления] пошел [дождь], и был урожай. Сколь не сколь, а был. А все-таки дождь прошел хороший, ливень... Это дело было в [19]50-х годах. Жара настигла. И пошли служить Богу. И велели старухи, приказали: весь поселок [должен выйти]... Одни женщины ходили; мужчин я не видала с нами. Наверно, Миколу просили — само главно, и Богородицу, наверно, просили. Вот Казанску, наверно, или Покрова. Служили Богу — «моление» называется...

Старая дева держала [иконы] потому, что ей — большое доверие. Женщина может всякому быть [греху подвержена] по мужеству [будучи замужем], как говорится, по семье. Может, она грешна чем-то. А эта — старая дева — ей больше доверялось. Только ее спросили у ней: может она, нет ли [участвовать в молении], нет ли у ней «на себе» [регул]. Девушка тоже могла держать иконы, а только в школе, что ли, дети были. Школу тоже предупреждали о молении. Старуха, котора много лет вдова, тоже могла держать иконы. Но она годна была молению, служению: надо ведь служить. Грамотных-то мало было.

19

Дождя не было. Мне, наверно, лет 12 было. Мы все собираемся: дети и взрослые. И вот на гору шли, и дед Макар [главный старец] с нами шел, с иконой, просить дождя. Вот это — суеверие, что ли, такое? До обеда просили, а после обеда такой дождик был, непомерный. Всей деревней ходили, шли с иконой, Бога просили...

20

Никола бывает осенний и весенний. [Здесь почитали] весеннего: ходили молебствовать по полям. Особенно, когда нет дождя. Идут молебствовать: брали иконы из церкви. Все ходили от малого до старого. Мужчины тоже ходили, иконы-то носили. Много икон носили. Топерича доходят до старых могил. Там у нас первые-те могилки были. — Выльет дождик, как из ведра! — От Боженька помог. Богу молились, а самое главное — Николе. Само главное — Николе. [Молебствовать] в степь ходили.

21

Дождь вызывают — молятся. У нас в деревне были несколько [женщин] — молились. Ну, их группа — они собирались в большой праздник, они молились, они хорошо молились, женщины. И вот вызывать дождик даже в поле ходили. Ну, берут иконы, у кого какая иконочка есть, возьмут. И вот идут в степь. И там молятся: просят, чтобы погода переменялась, чтобы Господь послал дождя. Молились в первую очередь Господу и Христову Святителю Николе: «Святитель Христов Никола, моли Бога о нас». Его просят в первую очередь. И Илью Пророка просили. Да. Мужчины — нет, мало, совсем они что-то не участвовали. Женщины. Любого возраста могли. Ну, помоложе которые — мало, а так всё — средние года, тридцать [лет]. Старым девам особый почет был. Наверно, меньше греха на них.

22

Когда долго нет дождя, пойдем женщины в степь, старые и молодые. Много женщин. Иконочки брали, свечки. Иконочки — несколько, а свечки все брали. Ветра нет — зажигали, несли, а если ветер — так только зажжем и потушим. Молились. Просили Божью Матерь, Николу, Илью Пророка.

23

Ходили, молились! Ну, это когда уж было! Я уже, правда, замужем была. А сейчас нет. Даже Зуева была, помню, раз-два ходили: на могилки ходили молились и в степь ходили молились... Со степи, помолились, и откуда, говорят, ни взялась туча, и дождик всех намочил. Вот хошь верь, хошь не верь.

24

Вот засуха была, и просили Бога, стояли все; и казахи приезжали, очень много народу было, засуха была сильная, все ездили туда [на источник в Григорьевке] молиться. Больно казахов много. И рассказывали: дождик лил прям [как] с ведра.

25

У нас вот лично не ходили никуда. А вот в этой Григорьевке, там ходили до родника, чтобы дождь был. Казаки это делали. Вот сидим разговариваем: «Нет дождя!» А кто-нибудь скажет: вот там молились, вот там молились [чтобы был дождь].

26

Не знаю, были ли совместные моления церковников и староверов. Вот когда дождь долго не идет, у нас ходили вдовы: у них мужьев нет; они идут все — и староверы, и церковники. Вдовы идут на могилки и молятся, просят дождя. Вот это было.

27

Когда сильная была жара, выходили женщины, молились на могилках. На могилки ходили, молились и просили Бога, чтобы был дождь. Почему на могилки ходят, не знаю почему. В основном у нас женщины-то и молятся. У нас-то ведь попов-то нету. Мужчины, наверно, кто молится, ходят. Но в основном, когда нас отбили от Бога-то, в основном это все переходило — женщины, которые молятся, на могилки ходили и в поле выходили. И в поле можно выходить молиться. И там просили Бога. Такие молитвы есть, в которых просят Бога, чтоб нам дал дождя. Так и называется: «крестный ход» просить Бога. Сначала на могилки ходят просят, потом в поле ходят молятся.

28

[Чтобы в засуху пошел дождь], ходили на могилки молились. На могилки ходили просили; это уже при мне [уже жила в Беловке]. Они на могилки ходили, все старухи, просили дождя, молились этому Богу по дождю-то — Илью Пророка просили. Да молитва такая, просили дождя... У нас я такой обряд видела. Мужчины не ходили, женщины всё ходили, просили дождя — пошел!

29

Да, мы Илье молимся! Ходим на могилки. В прошлом году ходили. Женщины собираются и идут. Я ни разу не ходила. Там стоят на восход и молятся Илье Пророку, есть такой канон.

30

Вот дожик у нас вызывали. Вот были у нас специальные старушки, молещицы. У нас не было церкви, но старушки собирались, в каком-то доме собирались и молились. Это испокон веков у нас было. Нет дождя, вот я даже помню: наши родители, наши бабушки ходили в степь без воды, воду не брали с собой, и брали детей, даже дети плакали... и пить просили. И вот Бога просят, чтобы Бог дал дождя; вот сколько раз было такое... И было чудо. Они [бабки] сходили, помолились, и вот вернулись бабки домой, и начался дождик.

31

Мы ходили по полям, когда дождей нету долго, и мы с иконами ходили по полям, молились и просили Бога, шtbody чтобы он послал нам дождики. Бывали такие случаи, и я ходила. У ково-то была такая специальная икона, но щас не могу сказать, и эта икона большая. Ее выносили и носили. И ходили по полям, далеко ходили. И пели. А што пели, не помню, я тогда еще в церковь не ходила. И туда, да и на службу когда идешь, обязательно надо одевать чистенькое все... Когда икону носили, то дождь потом был. Там читается специальная молитва.

32

Девятая пятница — это девятая пятница от Пасхи, и как раз икона Табынская Божья Матерь появилась в девятую пятницу от Пасхи. И поэтому она у нас такая грозная считается — девятая пятница.

Раньше, когда я была маленькая, но помню, церкви не было, но ходили бабушки с ней (с иконой Табынской Божьей Матери), прям брали ее и шли. Она спасала от засухи, голода и прочее. Ее носили, крестный ход с нею делали, по полям носили. Я хоть небольшая была, а помню, и действительно Бог посылал дождя после этого. Эти крестные ходы и были в девятую пятницу. У ково-то она (икона) хранилась в деревне, но у ково точно, не скажу. Ходили крестный ход не только бабушки, там собирался народ, и по полям ходили, к роднику ходили, молебен служили... Это вот щас дождя нет, так вспоминают: ну чё, раньше хоть ходили по полям бабки с этой иконой, а щас уж никто не ходит. А помогало: дожди шли. И от голода — это так считалось, што помогало...

А на моей памяти с нашей иконой ходили, в детстве. Человек по 30 собирались, и шли бабушки. Сами, без священника, сами шли. А вот кто нес тогда икону, этого не скажу, не помню. Наверно, женщины. Вот и теперь, когда мы носили, так только женщины, мужчин мало. Женщины меняются все время. Несли без подставки и полотенца, она ведь большая. Но не всем доверяли нести: надо, шtbody чтобы причащалась, исповедывалась, кто вообще церковь посещает, но и причащалась обязательно. И женщины в эти дни (во время месячных) не могут нести, даже в церковь нельзя, наши бабушки не ходили. А раньше-то, наверно, и мужчин много ходило. А женщине при этом ни в коем случае нельзя нести, в церковь ходить — это грех считается. И в крестном ходу в таком состоянии нельзя участвовать. К святым местам, к святым иконам вообще нельзя в таком состоянии.

33

Ходили у нас бабушки с иконами по полям. Дождя нет, так они пошли дождь просить. Вот нет и нет, девятая пятница, а все нет дождя, ну, оне: «Айда-те, пойдем помолимся», — к родникам подходят. А вокруг деревни не ходили и вокруг дома.

34

(В Богдановке). А на девятую пятницу к этому роднику с иконами ходили. А службы — в праздник приходили люди. С ближайших деревень: у нас там и Холмы были, и Подгорная была, и Даренка была, Ураганка была, и Кармалка, и Луна была, Екатериновка, все были — все разъехались, щас никово нету. А все ходили туда. И с Ратчина...

Иконку первые увидали пацаны. И потом эту иконку люди видали. А пацаны сразу прибегли и сказали: «Мамка, там икона плавае, вся блестящая...»

ОБРЯДЫ ОБХОДА ПОЛЯ ИЛИ СЕЛЕНИЯ

35

Это было уже при советской власти. Вот нет дождя, жара сумасшедшая. У председателя, он депутат Верховного Совета был, Боков — у него мать неродная. Она с ним, вырастила его, с ним и жила. Она молилась. И вот собирала она этих старух, и наша старуха, и идут в поле молиться. Он [Боков] ей разрешал. Как он рассказывал: «Не мое дело». И вот они идут, молятся, молятся, вот такая жажда — ни водички, ничего. Она была православная. Они, к примеру, обошли поле, молятся, молятся, и вдруг пошел дождик. Бывает, домой приходят уже мокрые. Ну, сколько они ходят, пока не устанут, утром они выходят.

36

[При засухе] молились всем народом. Собирался весь народ, брали иконы и вокруг деревни ходили, молились. И тут от этого дождик появлялся. Все ходили: и мужчины, и женщины, и дети — так рассказывали. Мы вот не ходили, нам не пришлось. А раньше собирался весь народ; у кого иконы были, их выносили. Из домов иконы брали, ходили вокруг деревни, молились, читали молитвы, пели. И после, говорили, дождик пойдет.

ОБРЯД ОПАХИВАНИЯ ПОЛЯ

37

Да, когда нет дождя, ходили служить. Бабки все собирались и ходили служить, молиться. Однажды даже председатель, что ли в [19]50-м году, сказал: «Скажи бабке Нюрке там, чтобы собрала бабков всех, чтоб пошли дождь просить». Ну, и ходили, служили: молитву говорили, а мы сабан возили.

ОБРЯДЫ ОТЛИВАНИЯ МОГИЛ

38

Вот всё говорят, что утопленник, если утонул [человек], то не будет дождя. Надо [молить Бога в поле] или 40 ведер [воды] на могилку его выливать — отливать его. И еще: если утопленник, его привезли, его — на воду (вот течет Урал), если под воду покойника перевезли [в сторону течения], то еще будет дождь, а если на воду (против течения), то, говорят, не будет дождя... Если не поленятся [в засуху], то отливают, а если поленятся, так никто и не ходит. И никто его не отливает там. А отливают, и раньше утопленника отливали: несут воду туда и 40 ведер [воды] выливают на могилу. Родственники это делали, чтобы был дождь.

39

А вот то на всю жизнь запомнила. Дождик закончился, когда пошли женщины ведра собирать свои... Но они не успели все 40 ведер вылить, нет, я помню это. Но мать моя еще что говорила. Если не хочешь так выливать, можно, когда утопленника поймали, положили его в гроб, когда принесли его хоронить — щас ведь хоронют, всех вместе хоронют, — можно даже в ноги ему вы-

лить 40 ложек воды. Чё ему делается, абсолютно ничё. Но щас беда в том, что не верют. Вот у нас один пенсионер утонул. И вот жене ево говорят женщины пожилые, ну, маненько преклонные, вот постарше или такие, как я: «Давай в ноги выльем ему 40 ложек, да и всё». Но нам не разрешили. Вот надо 40 ложек, а потом можно и 40 ведер. Но надо с молитвой, а я не знаю.

40

Еще вот мама как говорила у меня: удушенник, удушится который, утопленник — их, говорили, и хоронить на кладбищах не надо. А их хоронят, ну вот, например, у нас кладбище, а туды, там роднички, и лес растет, и называется плёс. Именно там ямку копать в тине. Говорили, надо ево закопать в тени, ну, там вроде бы все время земля влажная такая, тина называется; вот ево и надо в тину закапывать. А почему — не знаю, потому што он удушенник. А щас хоронят и отпевают. Вот у нас уже нынешний год два утонуло мужика. А раньше, мама говорила, что их не хоронят, их в тени надо. Вот один раз, помню, это я уже большая была, уже, наверно, начали в это время хоронить их [умерших не своей смертью]. И то, старика похоронили, он с глубокова похмелья был (тоже в нашем Курмыше жил); у него сын был в рыбаках... И вот выпитый был и пошел в баню, попариться любил. И вот запарился, задушился, ну, как задохнулся; и ево похоронили. И там скандалу сколько было с сыном. Он сказал: «Не дам туда хоронить, буду хоронить здесь». И вот мы ходили выливали. Я помню, помню, воду не таскала, а ходили смотрели, мы подростками были.

И вот, говорят, всё, что если покойника через воду перевезешь. Вот один утонул, так ево возили на вскрытие аж в Оренбург — это ведь у нас через Урал перевезли, да там через Урал перевезли. И вот всё, говорят, не будет дождей. И правда. Это я помню, было такое.

И вот когда этова похоронили, и не было дождей, сушь такая! Это потому, что ево не там, где надо, похоронили. Или же надо выливать. Вот собрались пять рыбацких женщин, там, в Курмыше том, в обеденный перерыв. Мало народу, жарко в деревне. Собрались женщины и пошли. Там одна старуха была, она тоже Богу молилась. И осиновый кол, обязательно только надо осиновый кол, вбили в могилу, воткнули этот кол. И потом 40 ведер надо принести и вылить, где этот кол. Кол неглубоко очень в могилу, не до гроба. И вот таскали женщины, таскали, а оно ж все-таки течет туда вода; земля-то впитывает и впитывает. Подмывается, подмывается, оседает, оседает земля. Потом как ухнула туды прям. Эх! Как бросили все ведра, как стрельнули оттуда все. И бежать. И знаешь, вот абсолютно до дома не дошли, и вот как облачко среди неба. А такой дождик прошел, аж картошку в огородах повывывало. И это мне запомнилось на всю жизнь. И вот я помню, как председатель колхоза говорил. Ну, когда все уже знали, что выливать ходили. И председатель говорил: «Да я бы премию тем женщинам дал, которые ходили выливали, что дождик пошел». А то чё ж, налив зерна пошел, а дождя нету.

41

Слышала, што удушенников на перекрестках хоронили. На могилы их не носили, говорили, што «дождя не будет» [если захоронят на кладбище]. Вот это бабака говорила, што утопленника и кто удушился никогда на могилах не хоронили, только на перекрестке дорог. А вот кто утонет, это, говорили, обязательно отливать надо. Сорок сороков ведер воды вылить нужно. Это батюшка на это место придет и будет молиться. И вот сорок раз по 40 ведер воды на это место вылить надо. Вот так бабака моя говорила. А батюшка там ли, в церкви ли, но обязательно молится. Это когда засуха.

42

Когда долго не было дождя, то человеку, который умер не в нашей деревне, а его сюда привезли, надо вылить под крест на могиле 40 ведер воды. Бабки собирались на могилке, пели молитвы и выливали 40 ведер воды. Это вот я помню, как они на могилках пели. У меня в доме бабка была — девчонкой воду носила на могилки: Чичину Петру Пахомычу. Он умер в Сереве, ехал с района и умер; его здесь похоронили, и вот ему воду носили. А дождь потом то идет, то нет, всегда по-разному.

43

И русские ходили, лили на могилы [тех, кто] утонет. Женщины, которые ходят молятся, они лили воду на могилки.

44

А еще вот бывало, что когда дождь долго не идет, то воду выливают на могилу. А еще говорили, что если через речку повезли мертвого, то теперь дождя долго не будет.

45

Вот, например, лежит человек в больнице и умирает. Перевозят его на пароме ли, через мост ли мертвого, нет дождей. Ну, всё — тот, кто умер, перевезли через речку, потому нет дождя, говорят. Вот поэтому идут на могилку эту и 40 ведер воды льют. Это приходилось. Да вот соберутся несколько человек, договорятся и идут выполнять всё это: то, что дождя просят. Ну, женщины. Прямо на могилку кругом они поливали, да ее, да и всё. Говорили какую-то молитву. Так-то не будут, без молитвы, лить на могилку-то. Большинство договорятся и идут, конечно, не днем, чтобы меньше [людей] знали. Может, ночью или маненько посветлее когда. Мне не приходилось. А те, кто делал, рассказывали. Собираются: надо сделать вот что — на могилку полить водой, просить дождя. Потому что через воду [покойника] везли. Такой вот обычай был. Вот я слышала, знаю.

46

Если покойника через реку перевозят, поэтому дождей не бывает. Ну, говорят, надо отливать этого покойника. Ну, водой отливают. На могилку просто идут и отливают. Ну, вроде того, что дождь забрал он [покойник], вот он «прошел» через воду. Ну, там молитвы, наверно, тоже читают. Тоже старшие есть, молятся; они идут туда на могилки. Ну, воду несут они с собой и отливают. В ведре [воду], в чем же они больше понесут. Не знаю, я не видела, сколько [ведер]. Знаю только, что отливают: льют воду на могилку, и не просто, а с молитвой.

47

[В случае засухи] ходили на могилку [человека], что последний [в селе] умер. Туды надо 40 ведер [воды] вылить, вроде дождик пойдет. Ходили. Как-то раз-два в прошлом году. Я не была. Мы взяли сорок ведер воды и по кружечке лили на могилку [того], кто последний умер. А теперь вот не велят возить через

воду [покойника], а то засуха будет, дескать... Вылили все кружки с молитвами. Один раз получилось — [пошел дождь], а то как-то не получалось. Нас было три человека. Воду привезли в бидонах.

48

Вот еще такое бывает, что если дождичка долго нет, то надо удушенику влить на могилку 40 ведер, тогда должен дождичек пойти, а пойдет он или не пойдет — не знаю. Но не всем подряд можно воду на могилку вливать: тем, кто по-хорошему умер, тому не надо, а обязательно только удушенику или утопленнику, если он сам утонул. Если его утопили, то тогда за него можно молиться, так потому, что он не сам это сделал. Так же и удушеники. Если человек сам повесился, то его нельзя отпевать и за него молиться, а если удушили — то можно. Или зарезался, или утонул, или отравился, или удушился — вот этим надо лить 40 ведер. Льют те, кто помоложе: старым-то тяжело таскать.

49

Вот я рассказывала, что в войну женщина сделала аборт. Она умерла, и ее [потом, когда заподозрили, что умерла от аборта] вырывали [устанавливали причину смерти]... а дожжей все нет и нет. Мы — сорок девчат нас собирали, и мы 40 карамысов [воды] носили. И вот на могилу березовый кол [воткнули], и вот так вертит. А мы выплескали воду и убегли. Лили просто на могилу. Ну, ведь страшно всем. Мы молодежь были — 40 человек и две женщины. 40 девчат — 40 карамысов надо. Желательно, чтоб девушки были [носили воду]. Девочки должны отливать. И дожжи пошли. Пошли, пошли мы отсюда [с кладбища], дожжик залил нас. Нет, надо не 40 карамысов, а 40 ведер. Положено — 40. Значит, 20 девушек было. Вот, с родителями согласовали [чтобы девушек отпустили для отливания], что нынче пойдем-от отливать. И вот только ведра почерпнули — дождик идет. А темно до невозможно. Мы сядем, не пойдем — дожжик перестал. Мы раз пять садились, пока до могил шли. И потом женщины, это, подошли [к могиле], колышком поработали, мы скорее выплеснули, выплеснули все и бегом друг за другом. А он — дожжик — льет, и невозможно дожжик лил.

Колышком, так положено. Колышком, наверно, осино[вым], а может, березовым, что такое вот — белым.

Вот покойник, которого потом вырыли и обратно положили, его потом надо обязательно отлить. А то дожжей не будет, и будет большая засуха... За мои 75 лет только вот женщину отливали. Но, кого вырывали [из земли], того обязательно отливали — это давно говор идет.

50

А самоубийц на могилах не хоронили (например, абортники умирали) — грешны бо, говорят. И вот тогда идут, и 40 надо карамысьев [воды] влить в могилу, или хотя [бы] 40 мер [каких-либо емкостей]. Но это незнамо, например, чтобы я не знала, что вылили там моему мужу или сыну. Это было опасно. [Лили], чтобы родственники [покойного] не знали. Кто дозволит в могилу своих [покойных] влить? Это все уже делали тайно.

Вот у нас умерла одна абортница. Ее схоронили. Вот такая засуха была [потому]. И мы девочками еще были. И пошли, нас набрали женщины, пошли мы. И мы оттудова не дошли, с этих могил, как дожжик ливанул, ливанул, ливанул. Ить раньше признавали, что грех [аборт].

51

Нельзя покойника через реку перевозить: говорят, дождя не будет. Вон рано весной когда провозят через реку. Нельзя, говорят.

52

Вот когда люди помрут, и везут их через воду сюды к нам, в Григорьевку. И через воду переезжают, надо воды: через Сакмару [река] переезжают, надо воды набрать. То есть [если не набрать] — дождя не будет. Ну, как едут, набирают. Через Сакмару [едут] — из Сакмары набирают, через Чебеньку [река] — из Чебеньки набирают. Воду в могилу покойнику ставят. А то дождя не будет. Мне свекровь говорила: «Не забудь мне воду в могилу поставить, как я умру». Ну, мы собирали, собирали ее, когда ее привезли в Григорьевку, а воду забыли поставить. И вот, пожалуйста, — не было дождя.

53

А вот еще говорят, что если покойника везти через реку, через воду, то дождя не будет. Потому, когда везут через воду, то обязательно потом ему в могилу около головы, в головах ставят сосуд с водой. Тут один раз недавно покойницу привезли из города... и через реку ехали. А пока суета здесь была, так и похоронили. Соседка говорит: «Ой, дождя теперь не будет, забыли ей воду-то в могилу положить. Ты, когда меня хоронить будут, не забудь поставить-то. Не забудь». Надо ведь воду ставить: «Ты, — говорит, — вспомни об этом, чтобы меня не ругали». Вот это вроде покойник воду забирает, если его через воду везти, и дождя не будет. Поэтому воду надо ставить.

ОБРЯД С ЛЯГУШКОЙ

54

Ешо, действительно. Мы на плантации поливали тогда. А я-то не знала, а женщины знали. Вот надо, чтобы девчонка, если лягушка угодит [попадет] земляная, разрубить ее и кверху животом зарыть в землю. И вот будет дождик. И вот чтоб я [девочка] не знала этого [о смысле обряда]. Ну, я-то не знала, действительно. И вот эти, Климонтовы, — сейчас она попила в Сакмаре, — вот она: «Поленька, лягушка (я тогда не боялась лягушек, сейчас не могу — боюсь; бояться бы нечего, — боюсь), вон лягушка, и... возьми ее вон в вал, в вал, разруби да зарой». Ну, а я по глупости, была тоже, лет 12 тоже было, 13, какая-то была бестолковая; ну, и в кувёт [кювет] затолкала ее, разрубила. А она [женщина]: «Ты, Поленька, ее кверху животом положи и зарой эдак». Ну, я эдак и сделала. Вот, верите или нет, к вечеру, не к вечеру, а с обеда, туча нашла — такой ливень прошел, непомерный. И мы, правда, поливать бросили, движок заглушили (тогда движком поливали) и домой ушли. Ну, бабки перешептываются, смеются. Я-то ничего не знаю. А потом, опосля, подружки мне же говорят: «Полинка, а ты знаешь, чего дождик-то был?» — «Почему?» — «Это ты лягушку-то зарыла, тебя заставляли зарыть: говорят, девчонке положено разрубить и зарыть кверху животом — и дождь будет». Вот проливной дождь был.

А потом вот года два или три прошло [после замужества], я со своим [мужем] поругалась. Поливать надо, а он забухал, и ему не надо [ничего]. А я озлилась, жара такая, движок включила, давай поливать картошку. Поливала, поливала, лягушка мне на ногу прыгнула. Ой! Я заорала что есть сил, схватила ло-

пату — дай разрублю ее тоже, зарюю. Зарыла. То[ль]ко успела зарыть, гляжу, еще одна лягушка, опять мне на ногу: «Ах, ты, тварь», — опять ее разрубил и около той зарыла. Мой выходит с похмелья: «Жарко». — «Пошел ты к черту! Тебе ничего не надо. Люди все поливают, а ты спишь, тебе не до полива». Он сел под яблоньку, сидит, смотрит. А тут тучка вывернулась, как у нас говорят, «с гнилого угла» (с южной стороны, с гнилого угла, если выходит тучка, значит, дождь будет). А он [муж] сидит: «Хе-хе, брось поливать, мать, сейчас дождик будет». — «Что злишь, сейчас подойду, лопаткой-то...» Я так обозлилась в гневе на него. А тучка идет-идет, и, веришь — нет, и покрапало, а он вскочил и домой убег... И я еле добегла с лопаткой, пошел ливень такой непомерный... Я не знаю, может, эти лягушки [из-за лягушек]? Совпадение? Вот я верю и не верю... Говорили, что [лягушку разрубить] девушка должна. (Ну, а я-то уже женщина была. Я не знаю, две их зарыла.) И обязательно, чтобы не знала, для чего делает.

55

Еще, были когда маленькие, лягушку на огороде (копают на огороде и лягушку найдут), ну, и говорят: «Не кидай лягушку, а то дождик будет». Ну, вот вверх кидают если, [считается, что дождь пойдет].

ОБРЯДЫ ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ СОСЕДСТВУЮЩИМИ
С РУССКИМ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИМ И КАЗАЧЬИМ НАСЕЛЕНИЕМ ЭТНОСАМИ:
ТАТАРАМИ И КАЗАХАМИ

56

А татары по-другому делают: барана режут, мяса наварят и выходят в поле. Богу тоже молятся по-своему; тоже дождя просят. А у татар хорошо получалось: только так сделали, и в ночь дождик пошел.

57

Засухи были, казахи у нас, на питомнике, барана режут, молятся и, как у них там был обычай, воду льют на могилки.

58

Даже татары, я знаю, на могилки ездят, там корову режут и там сидят, поминают и тоже просят дождя. Ну да, поминают покойных. Это знакомая, мы дружили, рассказывала. В поле сидят, молятся (корову уже зарезали), но мясо специально берут для этого дня. Корову там или барана зарежут. Чтоб только мясо везти туда свежее. Кушают там, сидят. И приготовят прямо там, и кушают, и поминают, и молятся целый день. У них же тоже есть татарские могилки. В степи могилки [кладбище] находятся.

59

Вот засуха была, и просили Бога, стояли все: и казахи приезжали, очень много народу было, засуха была сильная, все ездили туда [на источник в Григорьевке] молиться. Больно казахов много. И рассказывали: дождик лил прям, [как] с ведра.

ОБРЯД, НАПРАВЛЕННЫЙ НА ПРЕКРАЩЕНИЕ ЭПИДЕМИИ

60

Раньше рассказывали, что умирали на хуторе люди, как от судорог. В поле работает и сразу падает. И судороги — сразу скрючит. И вот они придумали. Этот хуторишко-то. Эти вот сейчас плуга (а тогда был конный плуг — сабан назывался). И вот весь хутор собирались — мужики и бабы — и с молитвой какой-то весь хутор опахивали. Через воду — все равно — переезжали вот и опахивали все с молитвой. А к тому это всё, што люди стали мучиться: умирали с этой судорогой. Обычно [от этой болезни] отхаживали в бане. Баню жаркую — и парили. Это как заболел человек. Молились. Какая-то она [бабушка] говорила, што слепая [болезнь]. Я смеялась: ничево себе, плугом опахивали. Это в сабан сами запрягались, сами. И с молитвой. А как же, всё с молитвой.

ОБРЯД, НАПРАВЛЕННЫЙ НА ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЖАРА

61

Вот была икона «Неопалимая Купина». Вот это верю, что эта икона сохраняет от пожара, сразу — на моих глазах было. Вот так — наш дом, а вот так — соседей, может, метров пять было, а может, меньше; соломой крытый. И загорелся [соседний дом]. Мамка как выбегла. А пламя все на нас, все на нас. Она начала кричать истошным голосом около своего дома. Тут люди были: дружно кто воду с речки, надо было носить. И откуда ни возьмись, женщина с этой иконой. Вот она вокруг дома [с нею] обошла, и пламя так село, село, и весь пожар потушился. Вот это я сама видела. Такой ветряга был, всё деревянное, солома. Потом говорили, что эту икону кто-то украл, куда-то она делась. «Неопалимая Купина».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ф. 10, оп. 1, д. 133, л. 7. Илекский р-н, д. Крестовка, 1.
2. Ф. 10, оп. 1, д. 161, л. 153—153 об. Илекский р-н, с. Студеное, 2.
3. Ф. 10, оп. 1, д. 163, л. 150 об. Илекский р-н, с. Яман, 3.
4. Ф. 10, оп. 1, д. 163, л. 150 об. Илекский р-н, с. Яман, 3.
5. Ф. 10, оп. 1, д. 163, л. 158 об.—159. Илекский р-н, с. Раздольное, 4.
6. Ф. 10, оп. 1, д. 163, л. 174—174 об. Илекский р-н, с. Раздольное, 5.
7. Ф. 10, оп. 1, д. 124, л. 6. Илекский р-н, д. Крестовка, 6.
8. Ф. 10, оп. 1, д. 169, л. 192. Илекский р-н, с. Рассыпная, 7.
9. Ф. 10, оп. 1, д. 160, л. 20. Оренбургский р-н, с. Нижняя Павловка, 8.
10. Ф. 10, оп. 1, д. 160, л. 27 об. Оренбургский р-н, с. Нижняя Павловка, 9.
11. Ф. 10, оп. 1, д. 162, л. 36—36 об. Оренбургский р-н, с. Нижняя Павловка, 10.
12. Ф. 10, оп. 1, д. 142, л. 39 об. Оренбургский р-н, с. Никольское, 11.
13. Ф. 10, оп. 1, д. 162, л. 13—13 об. Оренбургский р-н, с. Дедуровка, 12.
14. Ф. 10, оп. 1, д. 126, л. 135. Первомайский р-н, с. Сергиевка, 13.
15. Ф. 10, оп. 1, д. 134, л. 68 об. Первомайский р-н, с. Соболево, 14.
16. Ф. 10, оп. 1, д. 168, л. 50 об. Пономаревский р-н, пос. Дёма, 16.
17. Ф. 10, оп. 1, д. 143, л. 28 об. Сакмарский р-н, д. Гребени, 15.
18. Ф. 10, оп. 1, д. 143, л. 38 об.—39 об. Сакмарский р-н, д. Гребени, 17.
19. Ф. 10, оп. 1, д. 143, л. 57—58 об. Сакмарский р-н, д. Жданово, 18.
20. Ф. 10, оп. 1, д. 144, л. 108 об. Сакмарский р-н, с. Никольское, 19.
21. Ф. 10, оп. 1, д. 144, л. 120 об.—121. Сакмарский р-н, с. Беловка, 20.

22. Ф. 10, оп. 1, д. 143, л. 95 об. Сакмарский р-н, с. Григорьевка, 21.
23. Ф. 10, оп. 1, д. 135, л. 42 об. Сакмарский р-н, с. Беловка, 22.
24. Ф. 10, оп. 1, д. 163, л. 162 об. Сакмарский р-н, с. Никольское, 23.
25. Ф. 10, оп. 1, д. 136, л. 119 об. Сакмарский р-н, с. Никольское, 24.
26. Ф. 10, оп. 1, д. 142, л. 36 об.—37. Сакмарский р-н, д. Ереминка, 25.
27. Ф. 10, оп. 1, д. 144, л. 127 об.—128. Сакмарский р-н, с. Беловка, 26.
28. Ф. 10, оп. 1, д. 144, л. 184. Сакмарский р-н, с. Беловка, 27.
29. Ф. 10, оп. 1, д. 135, л. 33. Сакмарский р-н, с. Беловка, 28.
30. Ф. 10, оп. 1, д. 133, л. 37. Ташлинский р-н, с. Бородинск, 29.
31. Ф. 10, оп. 1, д. 168, л. 69 об. Шарлыкский р-н, д. Кармалка, 30.
32. Ф. 10, оп. 1, д. 168, л. 75—75 об. Шарлыкский р-н, д. Кармалка, 31.
33. Ф. 10, оп. 1, д. 168, л. 84. Шарлыкский р-н, д. Кармалка, 32.
34. Ф. 10, оп. 1, д. 169, л. 95 об. Шарлыкский р-н, д. Кармалка, 33.
35. Ф. 10, оп. 1, д. 124, л. 15. Илекский р-н, д. Крестовка, 34.
36. Ф. 10, оп. 1, д. 143, л. 70 об. Сакмарский р-н, с. Григорьевка, 35.
37. Ф. 10, оп. 1, д. 143, л. 85—85 об. Сакмарский р-н, с. Григорьевка, 36.
38. Ф. 10, оп. 1, д. 161, л. 153—153 об. Илекский р-н, с. Студеное, 2.
39. Ф. 10, оп. 1, д. 163, л. 150 об. Илекский р-н, с. Яман, 3.
40. Ф. 10, оп. 1, д. 163, л. 150—150 об. Илекский р-н, с. Яман, 3.
41. Ф. 10, оп. 1, д. 163, л. 174—174 об. Илекский р-н, с. Раздольное, 5.
42. Ф. 10, оп. 1, д. 134, л. 75 об. Первомайский р-н, с. Революционное, 37.
43. Ф. 10, оп. 1, д. 126, л. 103 об. Первомайский р-н, пос. Соболево, 38.
44. Ф. 10, оп. 1, д. 142, л. 36 об.—37. Сакмарский р-н, д. Ереминка, 25.
45. Ф. 10, оп. 1, д. 144, л. 120 об.—121. Сакмарский р-н, с. Беловка, 20.
46. Ф. 10, оп. 1, д. 144, л. 184. Сакмарский р-н, с. Беловка, 27.
47. Ф. 10, оп. 1, д. 135, л. 11. Сакмарский р-н, с. Архиповка, 39.
48. Ф. 10, оп. 1, д. 134, л. 58 об. Ташлинский р-н, с. Болдырево, 40.
49. Ф. 10, оп. 1, д. 125, л. 63—63 об. Ташлинский р-н, с. Бородинск, 41.
50. Ф. 10, оп. 1, д. 125, л. 70 об. Ташлинский р-н, с. Бородинск, 42.
51. Ф. 10, оп. 1, д. 144, л. 158—158 об. Сакмарский р-н, д. Гребени, 16.
52. Ф. 10, оп. 1, д. 144, л. 97. Сакмарский р-н, с. Григорьевка, 21.
53. Ф. 10, оп. 1, д. 143, л. 85—85 об. Сакмарский р-н, с. Григорьевка, 36.
54. Ф. 10, оп. 1, д. 143, л. 57—58 об. Сакмарский р-н, д. Жданово, 18.
55. Ф. 10, оп. 1, д. 144, л. 158—158 об. Сакмарский р-н, д. Гребени, 16.
56. Ф. 10, оп. 1, д. 134, л. 75 об. Первомайский р-н, с. Революционное, 37.
57. Ф. 10, оп. 1, д. 126, л. 103 об. Первомайский р-н, пос. Соболево, 38.
58. Ф. 10, оп. 1, д. 144, л. 184. Сакмарский р-н, с. Беловка, 27.
59. Ф. 10, оп. 1, д. 163, л. 162 об. Сакмарский р-н, с. Никольское, 23.
60. Ф. 10, оп. 1, д. 169, л. 163. Илекский р-н, с. Рассыпное, 43.
61. Ф. 10, оп. 1, д. 145, л. 71—71 об. Ташлинский р-н, с. Кинделя, 44.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

(Указаны: инициалы, пол, год и место рождения, национальность, по возможности — принадлежность к казачеству и вероисповедание).

1. ТКА — жен., 1929, с. Крестовка Илекского р-на, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
2. ЧНК — жен., 1940, с. Студеное Илекского р-на, русская.
3. ШРЕ — жен., 1935, с. Яман Илекского р-на, русская (из казачьей семьи).
4. СВИ — муж., 1919, с. Раздольное Илекского р-на, русский (из казачьей семьи).
5. ПАП — жен., 1935, с. Раздольное Илекского р-на, русская (из казачьей семьи).
6. КАК — жен., 1927, д. Крестовка Илекского р-на, русская (из казачьей семьи).
7. ГВИ — муж., 1948, с. Рассыпное Илекского р-на, русский (из казачьей семьи).

8. НМС — жен., 1918, Челябинская обл., русская (из казачьей семьи).
9. ГЕС — жен., 1914, с. Нижняя Павловка Оренбургского р-на, русская, православная.
10. ДЛА — жен., 1932, д. Нижняя Павловка Оренбургского р-на, русская (из казачьей семьи), православная.
11. КАВ — жен., 1914, с. Никольское Оренбургского р-на, русская, православная.
12. УАИ — жен., 1914, с. Дедуровка Оренбургского р-на, украинка (из казачьей семьи).
13. АМА — жен., 1929, пос. Хрущев Первомайского р-на, русская.
14. БВН — жен., 1932, с. Мансурово Первомайского р-на, русская.
15. САК — жен., 1911, с. Софиевка Пономарёвского р-на, русская.
16. ПМИ — жен., 1935, д. Гребени Сакмарского р-на, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
17. ПМИ — жен., 1935, д. Гребени Сакмарского р-на, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
18. СПП — жен., 1941, с. Жданово Сакмарского р-на, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
19. МАВ — жен., 1915, с. Никольское Сакмарского р-на, русская, православная.
20. ПАС — жен., 1924, с. Беловка Сакмарского р-на, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
21. ИАА — жен., 1931, с. Григорьевка Сакмарского р-на, русская, православная.
22. БАА — жен., 1938, с. Беловка Сакмарского района, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
23. МЕГ — жен., 1938, пос. Маяк Сакмарского р-на, русская.
24. МАИ — жен., 1932, с. Петропавловское Сакмарского района, украинка.
25. ПАС — жен., 1929, д. Ереминка Сакмарского р-на, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
26. БАС — жен., 1938, с. Беловка Сакмарского р-на, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
27. ХАП — жен., 1930, с. Вязовка Оренбургского р-на, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
28. СЕИ — жен., 1941, с. Беловка Сакмарского района, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
29. ЧЛП — жен., 1938, с. Бородинск Ташлинского р-на, русская (из казачьей семьи).
30. ДМА — жен., 1942, д. Новобогдановка Шарлыкского р-на, русская.
31. РМА — жен., 1949, д. Кармалка Шарлыкского р-на, русская.
32. НЛА — жен., 1953, д. Кармалка Шарлыкского р-на, русская.
33. ПРИ — жен., 1936, д. Сыскань Шарлыкского р-на, русская.
34. ФСВ — муж., 1926, с. Илек Илекского р-на, русский (из казачьей семьи).
35. УВФ — муж., 1927, с. Григорьевка Сакмарского р-на, русский, православный.
36. КАЕ — жен., 1925, с. Григорьевка Сакмарского р-на, русская, православная.
37. ЗВЕ — муж., 1925, пос. Революционное Первомайского р-на, украинец.
38. КЕЯ — жен., 1922, с. Соболево Первомайского р-на, русская.
39. СМВ — жен., 1932, с. Санково Сакмарского р-на, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
40. ЗЗЯ — жен., 1929, с. Иртек Ташлинского р-на, русская (из казачьей семьи).
41. ЧАУ — жен., 1927, с. Бородинск Ташлинского р-на, русская, православная.
42. СЕГ — жен., 1927, с. Бородинск Ташлинского р-на, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
43. САИ — жен., 1932, хутор Котельников Илекского р-на, русская (из казачьей семьи), старообрядка.
44. ПСК — жен., г. р. неизв., с. Бородинск Ташлинского р-на, русская.